

СОСТЯЗАТЕЛЬНЫЙ И ПЕРСУАЗИВНЫЙ АСПЕКТЫ СУДОГОВОРЕНИЯ

И. В. Палашевская

Волгоградский государственный университет

Поступила в редакцию 5 ноября 2010 г.

Аннотация: *статья посвящена персуазивному и агональному аспектам судебного дискурса. Обсуждаются позиции критики и эмпатии процессуальных противников по отношению к версиям произошедшего в историях друг друга. Рассматриваются жанровые формы, стратегии и тактики судоговорения, обусловленные когнитивными принципами восприятия событий и лингвокультурной значимостью создаваемых образов событий и их участников.*

Ключевые слова: *судебный дискурс, событие преступления, история, жанр, точка зрения, критика, эмпатия, убеждение, стратегия, лингвокультурный образ.*

Abstract: *the article focuses on the persuasive and agonistic aspects of court discourse. Narrator-critic and narrator-empathic positions in court stories presented by adversely parties are also discussed. The article analyses genre forms, some strategies and tactics of court dialog, stipulated by cognitive perception principals and linguocultural context of created crime events and their actors' images.*

Key words: *court discourse, crime event, story, point of view, critics, empathy, persuasion, strategy, linguocultural image.*

Судоговорение относится к типу персуазивной (от лат. *persuadere* – убеждать) деятельности, в ходе которой в соответствии с агональной схемой взаимодействия участники дискурса совершают речевые акты, стремясь повлиять на формирование внутреннего убеждения судебной аудитории в достоверности предлагаемых ей версий события как рациональными аргументами, так и иными средствами коммуникативного воздействия [1, с. 100]. Участвуя в презентации того или иного события, которое дано как нечто внешнее и объективное по отношению к участникам дискурса, последние принимают определенную позицию – точку зрения. Точка зрения рассматривается как базовая единица нарративной синтагматики, система отсчета (*frame of reference*), ограничивающая сложность перцептивной и соответственно вербальной обработки событий и определяющая траекторию рассказывания-доказывания в судопроизводстве.

В условиях состязательного дискурса выделяют: точка зрения нарратора-участника события или его очевидца, точка зрения нарратора-эмпатика, поддерживающего эту точку зрения и точка зрения нарратора-критика. Критика и эмпатия – это переменные позиции агентов юридического дискурса по отношению к позициям его клиентов, обусловленные их институциональной ролью в судоговорении и исследованными фактами. Предполагается, что обвинение должно представить свою историю, задача защиты

– доказать неправдоподобность этой истории. Однако довольно сложно опровергнуть правовую позицию обвинения без собственной истории. Презентация истории в суде оказывается обоюдно и является, по сути, единственным способом формирования своей позиции по делу.

Борьба точек зрения в событии судебного рассказывания осуществляется процессуальными противниками как равноправными его участниками. Привилегия разрешения столкновения интерпретаций произошедшего – за говорящим арбитром, который неизбежно выступает в качестве молчаливого критика по отношению к позициям всех участников дискурсивного события. В случае полного признания посредством приговора точки зрения определенной стороны арбитр выступает в роли эмпатика точки зрения этой стороны. Но так как суд в процессе состязательного судопроизводства не может выступать на чьей-либо стороне, эта роль возможна только через позицию критика, состоящую в критическом восприятии аргументов и доказательств сторон.

Рассказывание историй встроено в структуру жанров судоговорения (допрос, прения сторон, судебная речь и т.д.) и институционально объективируется в виде текстов-документов. В соответствии с принятыми в нарратологии критериями жанровой типологии текстов [2] в дискурсе судопроизводства можно выделить: 1) тексты, ограниченные сценическими условиями представления процесса общения, жанровым признаком которых является минимизация

опосредованности этого представления (*протокол допроса, протокол судебного заседания*); 2) тексты, в которых рассказывание опосредовано агентами юридического дискурса (*жанровые формы решений суда*), клиентами или их представителями – агентами (*ходатайство, жалоба*). Для первых преобладающим типом нарратива является прямая речь, прямая передача вербальных событий. Вторые используют преимущественно пересказанную речь, вычлняя из рассказа участников событий элементы юридически существенные и пренебрегаемые: *Подсудимый М. в судебном заседании свою вину в... не признал и показал, что... Далее М. пояснил, что он... далее из показаний М. следует, что ...*

Наррация выполняет связывающую, конструирующую функцию по отношению к событию, собирая его отдельные элементы посредством смысловых синтагматических связей в историю через речевые акты – репрезентативы. Аргументация, напротив, – деконструирующую функцию, разбивая историю на фрагменты, фабульные детали, опровергая или подтверждая их ту или иную сюжетную функцию, смысловое наполнение и право на существование с помощью фактов-доказательств и доводов, при наличии которых фабульные положения (тезисы) в истории противной стороны могут быть оспорены. Эти разнонаправленные взаимообусловленные акты составляют специфику юридического нарратива как рассказывания-доказывания, придают ему признак составительно организованного убеждения.

Стратегическое построение речевого взаимодействия в процессе «переговаривания» друг друга может быть различным. В отношении *агент-агент* или *агент-клиент-агент* возможны различные вариации. Агент юридического дискурса может выдвинуть свою версию события или его фрагмента посредством ряда фабульных положений – тезисов и предоставить доказательства с дальнейшим их обоснованием. Позиция нарратора становится уязвимой в случае возможности иного прочтения его истории. Используя стратегию нападения, критик ищет слабые стороны в выдвинутом тезисе (указывая на его ложность, противоречивость) либо в его обосновании. Например, в опосредованном повествовании – когда рассказчик попутно передает информацию, услышанную от других лиц, – указание на неопределенный *источник осведомленности* типа *кто-то, жители поселка, родственники потерпевшего (От жителей поселка Л. стало известно, что...)* должно повлечь отнесение сообщенных сведений к категории недопустимых доказательств, на которые не может ссылаться агент юридического дискурса.

Поиск противоречий основан на убеждении, лежащем в основе наивной модели мира, в согласованности ее компонентов. Поэтому всякое ментальное

пространство, содержащее явно противоречивые элементы, имеет контрафактический оттенок. В истории не могут быть два противоречащих друг другу действия, как несовместимы два противоположных факта в пределах семантики одного текста. Опровержение позиции возможно посредством последовательного движения мысли в контрафактическом ментальном пространстве – *reductio ad absurdum*:

С. говорит, что, услышав возню во дворе П., она немедленно выбежала из дома.

– А Вы одевались? – спросили у нее.

– Одевалась, платье одела.

– Значит, Вы спали до этого?

– Да, дремала.

Сколько же времени, граждане судьи, требуется пожилой женщине, такой, как С., чтобы одеться в холодную осень и выйти во двор, найти приставную лестницу, поднести ее к своему забору, установить, взобраться на нее для наблюдения за тем, что происходит в чужом дворе! ... если бы все было так, как она говорила, то, следовательно, она вечером не раздевалась, не спала и, чтобы видеть борьбу П. с М., длившуюся всего несколько минут, заранее забралась на лестницу и там сидела в ожидании М.! [3, с. 96–97].

Здесь ироничный контекст риторического вопроса отсылает к основанному на здравом смысле предположению, что люди пожилого возраста физически не способны проделать все то, что описано в речи адвоката, в относительно короткий промежуток времени.

Принцип согласованности при восприятии фрагментов события дополняется принципом их непрерывности. Критик при исследовании доказательств и точки зрения своего процессуального противника ищет нарративные лакуны (то, о чем не рассказано и что открывает альтернативу возможных направлений развития нарратива), заполняя их материалом, свидетельствующим в свою пользу. Принцип восполнения пробелов – это принцип организации восприятий, проявляющийся в том, что «наш мозг старается свести фрагментарное изображение в фигуру с простым и полным контуром» [4, с. 187]. Это же относится к фрагментам события как нарративному материалу при построении истории. При этом особенности «склеек» фрагментов события в юридическом дискурсе заложены уже в самих свойствах монтируемой фактуальной информации. Вольно или невольно нарушенная логика переходов, «натяжка», «случайные» акценты, могут обратить на себя внимание. Любая неточность дает фальшивую, декларативную «склею», «монтаж» нарративного материала, например:

Обвинительный тезис основан исключительно на показаниях свидетеля Л. В этих показаниях

ях он утверждал: «... на следующий день мать В. пришла к нам с жалобой, что сын ее избил. Я посоветовал ей обратиться к прокурору или в редакцию. Она мне ответила, что ничего из этого не выйдет, что у него все знакомые, все были на свадьбе». Данное показание – сплошная нелепость. Эпизод, о котором рассказывает свидетель, имел место 8 августа, свадьба же была 29 августа. Возникает недоумение, каким же образом потерпевшая могла рассказать свидетелю 9 августа о событиях, которые произошли спустя 20 дней после этого разговора? [3, с. 57].

Если в свидетельских показаниях отнести последнюю фразу матери В. – *все были на свадьбе* – к словам самого свидетеля, то мы имеем дело со сменой временных позиций рассказчика. Однако в этом случае переходы между разными временными планами должны быть маркированы дискурсом. Аудитория должна понимать, к какому моменту прошлого относится фраза, когда и кем она произнесена.

Критик может опровергать точку зрения своего процессуального противника на отдельные эпизоды его истории, выступая в качестве эмпатика остальных. Он может опровергать доводы и доказательства своего противника, не предлагая своей истории, доводов и доказательств в ее подтверждение. Используется также вариант совмещения стратегий опровержения и обоснования, когда, опровергая аргументацию друг друга, противники предоставляют тезисы и доводы своей версии произошедшего. Здесь борьба точек зрения поэтапно разворачивается за отдельные эпизоды или фабульные детали и ведет к цепочке утверждений, отражающей хронологически и каузально организованный событийный ряд.

Через отношение *агент-клиент* нарратор-критик (агент) и нарратор-эмпатик (агент) убеждают судебную аудиторию (агента) в правильности своей точки зрения посредством подтверждения собственных доводов и (или) опровержения доводов противника с помощью получения у клиента ответов на собственные вопросы. Поэтому борьба направлена на убеждение суда через опосредованную вопросами презентацию истории участника произошедшего или его наблюдателя. Здесь возможны вариации. Агент судебного дискурса на вопрос «своему» свидетелю получает «желательный», поддерживающий его точку зрения, или «нежелательный» ответ. В последнем случае роль агента меняется – он становится критиком своей позиции и эмпатиком позиции противника. Невольная игра на стороне противника – издержки жанра допроса. С целью предупреждения неожиданного исхода диалога допрашиваемого превращают в объект коммуникативного воздействия. Принято

считать, что свидетель, за правдивость которого поручилась противная сторона, наиболее весом в процессуальном споре. Вместе с тем допрашиваемый, отвечая желаемым образом на вопрос, может оказаться заложником его формы и, в самом деле, не разделять точку зрения допрашивающего. Презентация личного восприятия произошедшего сигнализируется в тексте единицами, маркирующими изложение хода мысли, оценках, имплицитно она выражается в самой организации событийного ряда в свободном рассказе допрашиваемого (*Что Вам известно об обстоятельствах данного дела?*). Однако отбор тех или иных элементов из событий для повествуемой истории, а также их детализация неизбежно обусловлены следующими за свободным изложением вопросами агента юридического дискурса. Навязывание своего видения, произошедшего, возможно, посредством: введения в вопрос интенсифицирующих и дифференцирующих признаков образа действия, явления, предмета, о котором спрашивают: *Что мешало Иванову устроиться на нормальную работу, а не жить случайными заработками?*; подсказок: *Когда в подсудимого бросил рюмку потерпевший, у него были другие предметы в руках, например, нож?*; навязываемой логики: *Если Вы не помните, во что была одета Б., когда она пришла к Вам 15–16 января 2006 года, тогда как же Вы разглядели, что у нее был синяк на ноге?*; прямого внушения: *Сколько было ножей на столе, за которым Вы сидели?* (были ли ножи вообще?) или, например: *Ты руки мыл и нож в раковине оставил?*; косвенного внушения, например посредством включения в вопрос «благоприятной» части утверждения допрашиваемого: *Во что был одет человек, похожий на Захарова? Человек, похожий на Захарова, был в трезвом состоянии? Как часто Вы видели Захарова в нетрезвом состоянии?* Сообщаемая в вопросе информация оказывает референтное влияние, т.е. выполняет функцию системы отсчета при производстве судебной истины, хотя эта информация может быть заведомо иррелевантна. В результате интерпретативного анализа 142 текстов допросов участников событий (взятых из текстов протоколов судебных заседаний по уголовным делам) не было обнаружено ни одного приема прямого внушения показаний. Приводимые выше примеры прямого внушения и подобные им выявлены как референтный аспект судоговорения о законности следственных действий, проводимых в условиях, когда диалог между агентами и клиентами юридического дискурса в его реальном протекании не был доступен. В судоговорении среди приемов навязывания точки зрения наиболее используемой оказалась логика ассоциативных соответствий и имплицитно навязываемых семантических следствий, отсылающая к часто встречающимся связям между фактами

в обыденном мышлении. Приведем один из наглядных примеров:

– *Откуда Вам было известно, что необходимо было давать именно такие показания?*

– *Следователь мне показывал показания свидетеля С. и спросил: «Наверное, ты пришел к шести часам, как говорит С.?».*

– *Почему количество ударов и места ранения совпадают с тем, как Вы рассказывали в ходе проверки Ваших показаний на месте происшествия?*

– *... один из оперативных сотрудников, спросил у меня: «Может быть, ты так наносил удары?», при этом два раза ударил меня в область шеи, но я ничего не ответил. Затем, когда следователь при допросе спрашивал у меня о количестве ударов, то я ответил, что нанес два удара.*

– *В ходе производства проверки показаний на месте, Вы не только рассказывали, но и показывали, как причиняли телесные повреждения и наносили удары потерпевшей, что объективно состыковывается с экспертизой трупа. Как Вы можете объяснить данное обстоятельство, Вам тоже следователь все показывал?*

Здесь стратегия дискредитации основана на допущении ложности показаний, основанных лишь на одном аргументе (*и это тоже следователь...*). Пример использования данной стратегии продемонстрирован еще в древней киргизской сказке «Апенди и бай».

В жанре судебной речи агенту юридического дискурса предоставляется возможность использовать точку зрения участника событий или его наблюдателя как материал для выражения своей точки зрения. Воспроизводя речь участника события дословно, агент занимает внутреннюю позицию по отношению к воспроизводимой речи, но в то же время посредством последующих доводов и выводов сигнализирует, что сам он занимает отличную точку зрения (или же принимает ее). Например:

Свидетель М. показал, что в начале апреля, в 5 часов утра, направляясь сторожить огорода, он увидел, что в 100 м от него была Ц. в окружении нескольких чеченцев, которые передавали ей разные пакеты. А ведь всем известно, что здесь в начале апреля земля покрыта еще тающим снегом и на огорода можно следовать разве только затем, чтобы пугать грачей. По данным календаря, в 5 часов утра в то время на улице стояла непроглядная темнота и при всей своей прозорливости М. не только в 100, но и в 10 м ничего видеть не мог... [3, с. 136].

В данном фрагменте критика показаний основана на допущениях неправильного восприятия вследствие неблагоприятных погодных условий, когда нару-

шено фокальное зрение, ответственное за восприятие деталей и идентификацию предметов. Убедительность истории в судебной речи зависит от симметрии точек зрения.

В жанре судебной речи агент юридического дискурса (нарратор) и участник события (актор) противопоставлены как разные субъекты речи, но существует целый спектр возможности для минимизации этой дистанции. При передаче точки зрения участника события используется техника сочетания внешней и внутренней перцепции событий через создаваемые образы участников события:

Посмотрите на ситуацию глазами Худояна, представьте, как ему виделось в тот момент. Пожилой и много натерпевшийся в жизни человек. Совсем недавно пережил крах спокойной и благополучной жизни в Абхазии... дом его разрушен, хозяйство погублено, а сам он оказался в плену.... Из плена удалось вырваться.... Он прибыл в город, где давно живет его дочь с семьей, ...нашел работу и жилье. Казалось бы, жизнь наладилась. Но ...форма носа, цвет волос, акцент – вот их вина... «Лицо кавказской национальности», постоянно ожидающий полицейского оклика... и вынужденный каждый день по нескольку раз оправдываться без вины перед каждым постовым милиционером. Как он должен вести себя перед Букреевым – безоружный и беззащитный, избитый в плену автоматчиками и от этого страдающий постоянными головными болями, – с уверенным в себе и вооруженным Букреевым, к тому же в сопровождении автоматчика? Как должен был он реагировать на слова Букреева о том, что начальник пригрозит ему лишением зарплаты из-за него, Худояна? [5, с. 144–145].

Призывы: *Посмотрите... представьте...* маркируют момент примерки аудиторией создаваемого образа и восприятия события в соответствии с предположенным защитником набором тематических единиц, отсылающих к истории жизни актора и его переживаний. Текст речи претворяет, прежде всего, смысловые позиции нарратора. Приемы восприятия событий через примеряемые аудиторией образы являются наиболее сложными, поскольку предполагают не только знание составляющих данные образы культурных смыслов, но и подачу этих смыслов с помощью таких социокультурно мотивированных языковых средств, которые без особых когнитивных усилий актуализируют эти образы в сознании адресата. Здесь любая оплошность, особенно у негативно настроенной на данный образ аудитории, может вызвать обратный эффект.

Таким образом, точки зрения участников дискурса в событии судебного рассказывания не только

противостоят, но и накладываются друг на друга, нередко затрудняя разграничение авторского и чужого. Сообщение, принадлежащее конкретному автору, обрывается новыми смыслами, смещающими его точку зрения в ту или иную сторону в зависимости от целей убеждающей интерпретации и выбираемых интерпретатором позиций критики или эмпатии. Опосредованный рассказ открывает больше возможностей для искажения точки зрения, диалог – для навязывания.

Волгоградский государственный университет

*Палашевская И. В., кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка факультета филологии
и межкультурной коммуникации*

E-mail: irina_777@inbox.ru

Тел.: 8-902-310-50-37

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александров А. С.* Введение в судебную лингвистику / А. С. Александров. – Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2003.
2. *Шмид В.* Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003.
3. Речи советских адвокатов : сборник / сост. И. Ю. Сухарев. – М. : Юридическая литература, 1968.
4. *Годфруа Ж.* Что такое психология / Ж. Годфруа. – М. : Мир, 1996. – Ч. 1.
5. *Костанов Ю. А.* Слово и «дело» : судебные речи : избранное / Ю. А. Костанов. – М. : Verte, 2007.

Volgograd State University

*Palashevskaya I. V., Candidate of Philology, Associate
Professor, Department of English language, Faculty of
Philology and Intercultural Communication*

E-mail: irina_777@inbox.ru

Tel.: 8-902-310-50-37